

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

О. А. Артемова

Минск, МГЛУ

ПЕРВИЧНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ КАК АКТУАЛИЗАТОРОВ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Автором анализируются личные местоимения английского языка, которые не только идентифицируют участников коммуникации, но и способствуют установлению контакта между ними, уточняют их социальный статус, отражают особенности их эмоционально-волевой сферы, объективируют или элиминируют коммуникантов, а также позволяют производить различные вербальные манипуляции с их сознанием.

Особую роль в понимании прагматической составляющей речевой коммуникации играет дейксис – «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами, служащее для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания» [1] и выражающее «присущие языковому коллективу особенности не только языкового, но и культурного характера» [2]. Дейксис указывает на участников (персональный дейксис), временную (темпоральный дейксис) и пространственную локализацию (пространственный дейксис) речевого акта [3]. Указание на участников коммуникации осуществляется различными видами местоимений. В английском языке существуют две противопоставленные друг другу микросистемы: формы 1-го и 2-го второго лица *I, we, you* для указания на коммуникативные лица – говорящего и слушающего, и формы 3-го лица *she, he, they* для указания на некоммуникативные лица в речевом акте. В данной статье мы рассмотрим семантику и прагматические функции личных местоимений английского языка как актуализаторов персонального дейксиса. Материалом для исследования послужили примеры монологической и диалогической речи из английского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и англоязычных интернет-ресурсов [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Категория первого лица, по мнению С. Левинсона, – это грамматикализация ссылки субъекта речи на самого себя [13, с. 62–64]. В определенных условиях *I* репрезентирует личное отношение говорящего к адресату или ситуации, детерминируемое фактором субъективизации – типом семантического развития, при котором, по мнению Р. Лангакера, языковая единица приобретает индивидуальные компоненты значения с возможным закреплением их в системе языка [14], что способствует появлению у нее вторичных прагматических функций [15]. Одним из таких факторов является отсутствие визуального контакта говорящего и адресата. Для самоидентификации и уточнения своего социального статуса субъект

речи использует приложение: *I, your friend and employer Vadim Vadimovich, lying in bed on my back in ideal darkness...* (V. Nabokov. Look at the the harlequins!) ‘Я, ваш друг и работодатель, Вадим Вадимович, навзничь лежу в постели и в совершенной тьме’ [НКРЯ].

Часто при ведении диалога с самим собой говорящий как бы раздваивается, а его поступки и мысли проецируются на другого возможного субъекта, который как будто наблюдает ситуацию со стороны. Такое явление получило название дейктической проекции [3]. В произведении «Дьявол носит Прада» Л. Вайсгербер главная героиня, от лица которой ведется повествование, постоянно обращается к самой себе, просит у себя совета: *Should I tell him?* (L. Weisberger. The Devil Wears Prada) ‘Может, стоит ему сказать?’ [НКРЯ]. Это раздвоение может иметь патологический характер и привести к диссоциации как психическому процессу, когда индивидуум начинает воспринимать происходящее с ним так, как будто оно происходит с кем-то другим [16].

Местоимение 1-го лица множественного числа *we* обозначает два и более лица, включая и говорящего. Как показал анализ фактического материала, местоимение *we* в соответствии с выполняемыми им прагматическими функциями может быть: 1) фатическим для установления контакта и реализации стратегии позитивной вежливости в высказываниях типа: *How are we doing today?* ‘Как у нас дела сегодня?’; 2) королевским (носизм) для указания на высокое социальное положение субъекта речи: *"We have become a grandmother."* ‘Мы (= премьер-министр Великобритании М. Тэтчер) стали бабушкой’ [6]; 3) редакторским для формирования у адресата точки зрения, совпадающей с мнением субъекта речи, и «создания искусственных идеологических границ, которые не подразумевают какого-либо промежуточного мнения» [17, с. 91]: *You are either with us or you are with the terrorist* [7] ‘Вы либо с нами, либо на стороне террористов’; 4) авторским или научным, подразумевающим существование общих фоновых знаний у субъекта речи и адресата: *We are thus led also to a definition of "time" in physics* (A. Einstein. Relativity: The Special and General Theory) [8] ‘Мы таким образом приходим к определению понятия «время» в физике’; 5) покровительственным для моральной поддержки адресата: *"And how are we feeling today?" Doctor Radcliffe asked Jason* [5] ‘«И как мы себя чувствуем сегодня?» – спросил доктор Рэдклифф Джейсона’. В подобных контекстах происходит включение адресата в личную сферу говорящего [15], что свидетельствует о высокой коммуникативной компетенции субъекта речи и выражает идею солидарности с адресатом в духе принципа Кооперации [18]. Использование *we* в таком значении характерно для системы здравоохранения и сферы бытового обслуживания; 6) императивным, когда говорящий настаивает на определенном способе выполнения действия адресатом, а местоимение *we* смягчает приказной, категоричный тон высказывания: *In this matter dates are everything, and I think that if we get all of our material ready, and have every item put in chronological order, we shall have done much*

(B. Stoker. *Dracula*) ‘В таких случаях порядок – все, и я думаю, если мы подготовим весь наш материал, и каждая статья будет помещена в хронологическом порядке, то сделаем многое’ [НКРЯ]; 7) умоляющим в стилистически окрашенных контекстах: *Dear God we beg thy blessing on the crop. For Jesus’ sake, amen* (S. King. *Children Of The Corn*) ‘Благослови, Господь, наш урожай, а мы будем возносить к Тебе наши молитвы, аминь’ [НКРЯ]; 8) манипулятивным, когда местоимение *we* по причине своей семантической «размытости», способности к групповой идентификации [19, с. 340] и отсутствия четкой дейктической референции [Там же] создает базу для определенных вербальных приемов, используемых субъектом речи для манипулирования сознанием адресата [20].

Типичной сферой использования манипулятивного *мы* является политический дискурс. Исследователи выделяют три типа манипулятивного *we*. [21]. В случае с инклюзивным *we* адресату предоставляется возможность занять положение «на равных» с субъектом речи и выразить свою принадлежность к определенной группе людей с общими интересами, сферой деятельности, политическими взглядами, как в следующем примере, где премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон высказывается об особенностях британского менталитета, объединяя себя с адресатом – народом Великобритании: *I love our get-up-and-go; that whenever we’re down, we’re never out* [12] ‘Мне нравится наш запал; даже когда мы не на гребне волны, мы не аутсайдеры’. Эксклюзивный тип предполагает исключение адресата из дейктической сферы говорящего – ‘*мы (я) без тебя/ без вас*’, как в следующем контексте, где премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон говорит об успешности реформ, проведенных именно его командой без включения адресата: *Our reforms are already working* [12]. Мультииндексальное *we* характеризуется менее четкими границами между включенностью и невключенностью аудитории: *We are not going back – we are moving forward* (B. Obama) [4] ‘Мы не собираемся поворачивать назад – мы будем двигаться вперед’.

Местоимение 2-го лица *you* указывает на лицо, к которому обращается говорящий в данной речевой ситуации. Во многих языках, как, например, в славянских, наблюдается использование разнообразных форм местоимений для выражения социальных отношений между собеседниками [22]. В английском языке используется конструкция «*you*+форма обращения+фамилия», с помощью которой говорящий выражает формальное отношение к адресату и держит его на социальной дистанции (1,2 м – 3,65 м), которая, согласно Э. Холлу, используется при рутинных социальных взаимодействиях [23]: *Undershafft [Sardonically gallant]: Mrs. Baines: you are irresistible* (G. B. Shaw. *Major Barbara*) [10] ‘Андершафт [язвительно галантен]: Миссис Бейнс: вы неотразимы’. Это обычная практика поведения джентльмена в западных обществах, где традиция *ladies first* ‘Сначала дамы! Проходите, пожалуйста!’ (так говорит мужчина, пропуская даму вперед) широко распространена [24]. Местоимение *you* в аппелятивной функции с междометием *hey* демонст-

рирует неуместную развязность субъекта речи по отношению к адресату, и чье коммуникативное поведение регулируется стратегиями «негативной» вежливости [25, с. 130]: *Then she suddenly look at me an say, "Hey, you – whoever you are – did you take a leak?"* (W. Groom. Forrest Gump). 'Потом она вдруг смотрит на меня и спрашивает: – Эй, ты – как тебя там – ты что, отлил?!' [НКРЯ].

Местоимения третьего лица *he, she*, репрезентируя категории рода и одушевленности, традиционно указывают на некоммуникативных лиц, которые не являются непосредственными участниками речевого акта [26]. Прагматические функции местоимения 3-го лица в речевом акте сводятся к объективизации говорящего через его деперсонализацию и элиминацию из высказывания. Замена личного местоимения на собирательное существительное также помогает говорящему представить ситуацию более отстраненно и частично снять с себя ответственность за произнесенные слова, что особенно характерно для юридического дискурса: *The Court understands from the press that a legal battle is going to be waged for the control of the estate* (E. S. Gardner. The Case of the Daring Divorcee) 'Из сообщений прессы суду известно, что развернулась борьба за состояние покойного' [НКРЯ].

Стойкая тенденция к изменению ролей в социуме оказывает значительное влияние на прагматику местоимений 3-го лица единственного числа, которая определяется коммуникативной категорией поликорректности как «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [27, с. 215]. Сегодня существуют два способа решения этой проблемы: 1) феминизация – замена местоимений *he* или *she* формой *s/he*, 2) нейтрализация – замена местоимений *he* или *she* гендерно нейтральным *they* [28]: *No mother should be forced to testify against their child* 'Мать нельзя принудить к даче показаний против своего ребенка' [22]. Действительно, местоимение *they* способно передавать неопределенность субъектов, адресатов и предметов речи, которые не включаются в личную сферу говорящего, ассоциируются с понятием «чужой» и противопоставляются концепту «свой» в сфере политических принципов, социальных систем, идеологий, военных доктрин, экономических моделей. В результате говорящий реализует тактику дистанцирования, отстранения: *They [terrorists] act out of hatred; we don't seek revenge, we seek justice out of love* (George W. Bush) [7] 'Они [террористы] действуют из ненависти; мы не ищем мести, мы ищем правосудия из любви'.

Следует отметить, что особую роль при создании вторичных прагматических функций личных местоимений играет транспозиция – использование одной формы личных местоимений в функции другой для представления содержания высказывания как объективного положения

вещей в мире, что значительно повышает его прагматический потенциал [29; 30, с. 131]. Анализ фактического материала позволил выявить следующие типы транспозиции в системе английских личных местоимений:

1. Транспозиция форм именительного падежа личных местоимений объектными: *I/me, we/us, she/her, he/him, they/them*. Широкое употребление объектных форм в функции подлежащего не может быть интерпретировано как невнимательность говорящего и позволяет сделать вывод об их устоявшемся употреблении с определенными семантико-прагматическими функциями: а) для выражения физического «я», когда говорящий ставит себя на место другого человека и характеризует себя как объект восприятия стороннего наблюдателя: “*Who is this?*”, “*this very cold lady's voice said. This is me*” (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*) ‘Даже не крикнул, а заорал, до того я был пьян. – Кто говорит? – спрашивает ледяной женский голос. – Это я’ [НКРЯ]; б) для выражения эмоционального состояния субъекта речи (раздражение, удивление, злость) типа *Me trust him?* ‘Мне доверять ему?’; в) для маркирования социолекта в американском просторечии: *Me know* ‘я знаю’; г) для выражения принадлежности субъекта речи к определенной социальной группе: – *Then you and me we are the same, – Maria said* (E. Hemingway. *For Whom The Bell Tolls*) ‘– Значит, у нас с тобой одинаковая судьба, – сказала Мария’ [НКРЯ].

2. Транспозиция 1-го лица 2-м *I/you* свойственна внутреннему диалогу как процессу непрерывного внутреннего общения человека с самим собой. Говорящий производит замену 1-го лица 2-м сознательно, чтобы сделать высказывание более дистанцированным: *Trapp: Yes, well, you can't... marry someone... when you're in love with someone else. Can you? ...* (R. Rodgers, O. Hammerstein. *The Sound of Music*) ‘Трап: Да, ну, ты можешь ... выйти замуж за кого-то ... когда ты влюблен в кого-то другого. Ты можешь? ...’ [НКРЯ].

3. Транспозиция 1-го или 2-го лица 3-м *I/he, we/they, you/he, she, they* позволяет исключить говорящего или слушающего из числа коммуникантов, выразить свое негативное отношение к ним или увеличить социальную дистанцию между ними. Английский речевой этикет не рекомендует использовать местоимения 3-го лица по отношению к человеку, не являющемуся участником коммуникации, но присутствующему при разговоре. Его следует называть именем существительным (нарицательным или собственным): “*And now, Griffiths, went on Mason, just you show Mr. Newcomb here how Miss Alden arose and came toward you*” (T. Dreiser. *An American Tragedy*) ‘– А ну-ка, Гриффитс, – продолжал Мейсон, – покажите мистеру Ньюкому, как мисс Олден встала и направилась к вам’ [НКРЯ].

Таким образом, личные местоимения не только идентифицируют участников коммуникации, но и способствуют установлению контакта между ними, уточняют их социальный статус, отражают особенности их эмоционально-волевой сферы, объективируют или элиминируют в процессе коммуникации, а также позволяют производить различные вербальные манипуляции с их сознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейксис / Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/128d.html>. – Дата доступа : 10.03.2016.
2. Касевич, В. Б. Язык и культура [Электронный ресурс] / В. Б. Касевич. – Режим доступа : http://window.edu.ru/resource/481/38481/files/spr000_0040.pdf. – Дата доступа : 15.03.2016.
3. Петрова, Е. И. Прагмалингвистическая категория дейксиса [Электронный ресурс] / Е. И. Петрова. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/14_NPRT_2011/Philologia/3_87011.doc.htm. – Дата доступа : 23.03.2016.
4. Alexander, J. C. Obama Power [Electronic resource] / J. C. Alexander, V. N. Jaworsky. – Mode of access : <https://books.google.by/books>. – Date of access : 14.03.16.
5. Ball, D. L. Twisted Road Home [Electronic resource] / D. L. Ball. – Mode of access : <https://books.google.by/books>. – Date of access : 20.03.2016.
6. British Prime Minister Margaret Thatcher, addressing reporters outside 10 Downing Street, 1989 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://grammar.about.com/od/rs/fl/royal-we.htm>. – Date of access : 18.03.2016.
7. Bush, G. You Are Either With Us, Or With the Terrorists / Voice of America [Electronic resource] / G. Bush. – Mode of access : <http://www.voanews.com/content/a-13-a-2001-09-21-14-bush-66411197/549664.html>. – Date of access : 4.03.2016.
8. Einstein, A. Relativity: The Special and General Theory [Electronic resource] / A. Einstein. – Mode of access : <http://www.bartleby.com/173/8.html>. – Date of access : 10.04.2016/
9. Jane Austen and other famous authors violate what everyone learned in their English class [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.pemberley.com/janeinfo/austtheir.html>. – Date of access : 10.04.2016.
10. Shaw, G. B. Major Barbara [Electronic resource] / G. B. Shaw. – Mode of access : <https://books.google.by>. – Date of access : 10.03.2016.
11. State of the Union: Presidential Rhetoric from Woodrow Wilson to George W. Bush [Electronic resource] / ed. D. Kalb, G. D. Peters, J. T. Woolley. – 2007. – Mode of access : [http // google.books.by](http://google.books.by). – Date of access : 24.02.2016.
12. Tory Party Conference 2015: David Cameron's speech in full [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/tory-party-conference-2015-david-camersons-speech-in-full-a6684656.html>. – Date of access : 6.03.2016.
13. Levinson, S. Pragmatics / S. Levinson. – Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
14. Langacker, R. Cognitive Grammar. A Basic Introduction / R. Langacker. – N. Y. : Oxford University Press, 2008. – 563 p.

15. *Горицкая, О. С.* Вторичные прагматические функции показателей лица (на примере обозначения говорящего и слушающего в диалогической речи) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. С. Горицкая; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 25 с.
16. *Keyes, D.* The Minds of Billy Milligan / D. Keyes. – N. Y. : Bantam Books, 2015. – 426 p.
17. *Davies, A.* Oppositions and Ideology in New Discourse / A. Davies. – London : Bloomsberg, 2013. – 256 p.
18. *Грайс, Г. Ф.* Логика и речевое общение / Г. Ф. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып.16. – С. 217–237.
19. *Zupnik, Y. J.* A Pragmatic Analysis of the Use of Person deixis in Political Discourse / Y. J. Zupnik // Journal of Pragmatics. – Vol. 21. – P. 339–383.
20. *Норман, Б. Ю.* Русское местоимение мы: внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // Russian linguistics. – 2002. – Vol. 26. – № 2. – С. 217–234.
21. *Иванова, А. И.* Прагмалингвистический анализ личного местоимения «Мы» как форма публичного обращения Барака Обамы в Интернете / А. И. Иванова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 84–87.
22. *Писарек, Л.* Местоименная оппозиция *ty-wy* в польском языке (лингвопрагматический аспект) / Л. Писарек // Славистика : синхрония и диахрония : сб. науч. ст. к 70-летию И. С. Улуханова / под общ. ред. В. Б. Крысько. – М. : Азбуковник, 2006. – С. 42–51.
23. *Hall, E.* The Hidden Dimension / E. Hall. – N. Y. : Doubleday, 1966. – 211 p.
24. *Yuanyuan, Li.* A Social and Pragmatic Analysis of the Second Person Deixis You [Electronic resource] / Li Yuanyuan. – Mode of access : <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/viewFile/4564/3896>. – Date of access : 20.03.2016.
25. *Brown, P.* Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, P. Stephen, C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
26. *Кравченко, А. В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.
27. *Химик, В. В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 181 с.
28. *Gardelle, L.* Sex-Indefinite Reference to human beings in American English / L. Gardelle // The Pragmatics of Personal Pronouns. – Amsterdam : John Benjamins Publishing company, 2015. – P. 69–92.
29. *Норман, Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций [Электронный ресурс] / Б. Ю. Норман. – БГУ. – 2009. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/1690>. – Дата доступа : 10.01.2016.
30. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация / Тер-Минасова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php. – Дата доступа : 25.02.2015.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/search-para-be.html>. – Дата доступа : 12.12.2015.

The article analyses English personal pronouns which not only identify the participants of communication, facilitate the establishment of contact between them, specify their social status and reflect the characteristics of their emotional-volitional spheres, objectify or eliminate participants of communication and also allow to manipulate their consciousness.

П. П. Глазко
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЭССЕИЗАЦИИ В АНГЛО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В условиях жанровой конвергенции на пространстве современных средств массовой информации медиалингвистами все больше внимания уделяется выявлению языковых средств, позволяющих идентифицировать различные медийные жанры и выступающих в качестве их маркеров. В статье рассматриваются структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики эссе как одного из ведущих жанров англо- и белорусскоязычного медийного дискурса.

Из курса истории мы знаем о таких наших предшественниках, как *Homo sapiens* и *Homo erectus*. Хейзинга вводит понятие *Homo ludens*. Относительно недавно в научный обиход вошло понятие *Homo loquens* ‘человек говорящий’. В других областях, желая выделить ту или иную сторону человеческого поведения, иногда говорят о *Homo sociologicus* ‘человек социологический’, *Homo politicus* ‘человек политический’, *Homo religiosus* ‘человек религиозный’ и т.п. На сегодняшний день появляется все больше предпосылок говорить о новом *Homo* – человеке медийном.

Глобальные изменения в характере и способах коммуникации, вызванные стремительным развитием сети Интернет, привели к существенным преобразованиям в структуре и содержании СМИ. В контексте демократизации и антропоцентризма особое значение и ценность в сфере СМИ приобретают не поиск объективной правды, а рассмотрение общественных феноменов с различных ракурсов, точек зрения и жизненных позиций [1, р. 33]. Неудивительно, что в таких условиях в центре внимания медиалингвистов оказалась публицистика, которая «делает акцент на факторе человеческого интереса, на индивидуально-авторском видении той или иной проблемы» [2, с. 124]. В этой связи неоднократно отмечалось, что существенной характеристикой публицистики на сегодняшний день является подача читателю фактов и событий через призму авторского восприятия